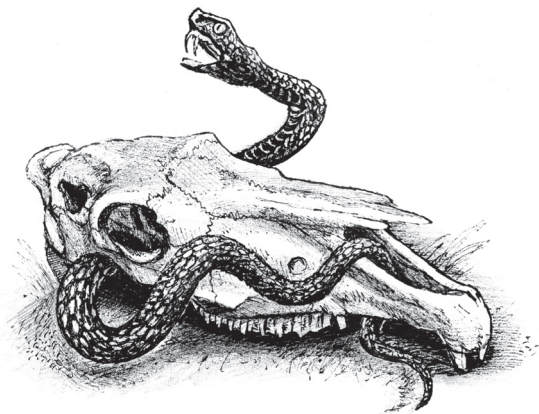

Серия «Из тьмы»

Говард Филлипс Лавкрафт

КРАДУЩИЙСЯ ХАОС

Ростов-на-Дону
«Феникс»
2022

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7)-31
КТК 654
Л13

Иллюстрации Ивана Иванова

Лавкрафт, Говард Филлипс.
Л13 Крадущийся хаос / Говард Филлипс Лавкрафт. —
Ростов н/Д : Феникс, 2022. — 249 с. : ил. — (Из тьмы).
ISBN 978-5-222-36781-0

Самые захватывающие произведения, входящие в «золотой фонд» мировой литературы ужасов. Любители пощекотать себе нервы не должны проходить мимо этой серии! На страницах книг оживут самые страшные ночные кошмары, от древних богов Лавкрафта до ведьм Гоголя. Читатель прикоснётся к древним оккультным тайнам, посетит ужасные и таинственные миры, созданные фантазией великих писателей. Не читайте эти книги на ночь!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7)-31

ISBN 978-5-222-36781-0

© Оформление: ООО «Феникс», 2021
© Иллюстрации: Иванов И., 2021

СТАРЫЙ СУМАСБРОД

Бильярдная Шихана на одной из узких улочек, затерянных в недрах складского района Чикаго, — место не самое изысканное. Воздух этого заведения, пропитанный тысячами запахов, воспетых Кольриджем в «Кельне»¹, крайне редко дезинфицируется хоть бы и светом солнца, пропитанный едким дымом бесчисленных сигар и сигарет — народ в бильярдной смолит день и ночь, так уж повелось. У непреходящей популярности местечка имеется причина, очевидная любому, кто рискнет окунуться в тамошний чад: сквозь смесь запахов

¹ Имеется в виду стихотворение английского поэта-романтика Сэмюэла Кольриджа «Кельн» (1828), конкретно — следующие строки: “And rags, and nags, and hideous wenchers; // I counted two and seventy stenches...” (с англ. — «Для ведьм и блудниц там отрада, — // семьдесят два оттенка смрада»).

и изнуряющую духоту пробивается аромат, некогда повсеместно известный, а ныне благополучно вытесненный на задворки жизни гуманным правительственным постановлением — аромат крепчайшего виски, запретного плода образца одна тысяча девятьсот пятидесятого года нашей эры¹.

Заведение Шихана — признанный центр подпольной торговли спиртным и наркотиками в Чикаго. В таком качестве оно имеет определенную славу, которая так или иначе затрагивает даже самых неказистых его посетителей. Однако до недавнего времени среди них был один тип, представлявший собой исключение из сего правила; грязи и убожества ему доставалось сполна, а вот почета — ни грамма. Прозвали его Старым Сумасбродом, и был он опустившимся среди опустившихся. Многие ломали голову, пытаясь распознать в нем человека, каким был Сумасброд прежде, ибо, наливаясь чрезмерно, красноречием своим он способен был изумить. Ну а человек, каким он был ныне, — сиречь крошечный забулдыга, — в распознавании вовсе не нуждался, будучи зело очевидным.

Никто толком не знал, откуда он тут взялся. Однажды вечером он ворвался к Шихану, с пеной у рта требуя виски и гашиша. Получив желаемое под обещание все отработать, он с тех пор околачивался в бильярдной, моя полы, дряя плевательницы и стаканы, выполняя разного рода мелкую работу — в обмен на алкоголь и дурман. Похоже, только они и поддерживали в нем жизнь и остатки здравомыслия.

Общался Сумасброд мало, изъяснялся на невразумительном жаргоне, характерном для социальных низов, но порой, воодушевившись чрезвычайно щедрой порцией чистого

¹ На самом деле, «сухой закон» в Америке отменили в 1933-м, но Лавкрафт, написавший рассказ в 1919-м, не мог этого предугадать.

виски, мог неожиданно для всех затянуть выпретенную речь, или же начать цитировать прозаические и стихотворные фрагменты, заставлявшие иных завсегдатаев бильярдной заподозрить, что старик знавал лучшие времена. Один постоянный посетитель, банкир, растративший деньги клиентов и пребывающий в бегах, регулярно вел с Сумасбродом беседы и по манере говорить заключил, что тот в свое время был учителем, или же мастером пера. Однако единственным осязаемым следом его прошлого была поблекшая фотокарточка, которую Старый Сумасброд всегда держал при себе, — фотография молодой женщины с величавыми аристократичными чертами лица. Порой он доставал ее из рваного кармана, аккуратно разворачивал обертку из тонкой тисненой бумаги и часами разглядывал с выражением, полным неопишуемой печали и нежности. Само собой, завсегдатаям притона было невдомек, кто запечатлен на том снимке; это был фотопортрет леди очаровательной внешности и, несомненно, благородной крови, чей наряд нес отпечаток модных веяний тридцатилетней давности.

Старый Сумасброд и сам был наряжен по старинной моде — насколько можно было это заключить по тем неопишуемым обноскам, что красовались на нем. В нем было больше шести футов росту, хоть сутулость плеч и скрадывала сей факт. Его волосы, грязные и свалявшиеся, давно не знавали расчески, узкое лицо заросло запущенной проволочно-жесткой щетиной, казалось, всегда остававшейся в одном и том же колючем состоянии — он никогда не брился и никогда не обрастал длинной бородой, ибо та лишь мешала бы порядочному глотку виски. Лик Сумасброда, возможно, когда-то имел благородные черты, но сейчас был изборужден жуткими следами упадка. Очевидно, в какой-то период — возможно, на середине жизненной дороги — был Сумасброд

дороден, если не тучен; теперь же он выглядел ужасно худым, и багровые складки кожи свободно свисали мешками под бельмами глаз и на щеках. Воистину, Старый Сумасброд был не из тех людей, что услаждают взгляд.

Чудаковатость облика старца всецело гармонировала с его повадками. Ведь прозвище свое Старый Сумасброд получил отнюдь не за то, что готов был как угодно извернуться за щепоть гашиша, порцию виски или пятицентовую монету, а за совсем другие свойства своей природы, выказываемые по случаю. И если случай благоволил, Сумасброд расправлял плечи, и тогда возвышенный огонь загорался в его впалых глазах. Его манера вести себя приобретала черты выдающейся грации и уверенности; жалкие существа вокруг него начинали ощущать в нем явное превосходство — нечто, не дававшее им оскорблять бедного служку вошедшими у иных в привычку пинками и тычками. В такие периоды он выказывал сардонический юмор и отпускал ремарки, которые народ из бильярдной считал непонятными, лишенными смысла. Но эти колдовские приступы быстро заканчивались, и Старый Сумасброд вновь возвращался к натирке полов и чистке пепельниц. Он был бы во всем образцовый работник, если бы не одно «но» — стоило молодняку впервые появиться в злачном местечке, как он сразу бросался отговаривать их, размахивая грязными руками, бормотать странные увещевания пополам с проклятиями. Та угрюмая серьезность, коей были преисполнены его слова в такие моменты, повергала в дрожь не один одурманенный ум в переполненном людьми зале. Впрочем, спустя некоторое время его отравленный алкоголем мозг терял ориентацию в мыслях, и с идиотской усмешкой он снова брался за швабру или щетку.

Думаю, нескоро еще забудется посетителями шиханова местечка тот день, когда к ним явился молодой Альфред Тревер. В самом деле, то была примечательная личность — богатый и энергичный юноша, достигавший высшего предела во всем, за что брался (по крайней мере, таково было категорическое убеждение Пита Шульца, выступавшего для Шихана кем-то на манер зазывалы; с Тревером Пит свел знакомство в Лоуренс-колледже, что в маленьком городке Эпплтон в штате Висконсин). Тревер был сыном именитых родителей. Его отец, Карл Тревер, служил прокурором округа и являлся почетным гражданином города, в то время как его мать обрела известность как поэтесса. Стихи свои она подписывала девичьим именем Элеонора Винг. Альфред, также преуспевший на поэтическом и ученом поприщах, страдал некоторой инфантильностью, делавшей его идеальной добычей для шихановского охотника за клиентурой. Он был белокурым, красивым и избалованным, страстно желавшим испытать различные формы распутства, о коих читал и слышал. В Лоуренсе он занимал видное место в шуточном братстве «Фифы, Пиво, Пиво» и слыл самым диким и веселым из диких и веселых молодых гуляк; но это незрелое студенческое легкомыслие не удовлетворяло его. Он знал о более глубоких пороках по книгам — и теперь жаждал узнать их из первых рук. Возможно, эта склонность к необузданности в какой-то мере стимулировалась ущемлениями, коим Альфред подвергался дома, ибо миссис Тревер была не из тех, кто любит легкомыслие. У нее имелись особые причины держать своего единственного ребенка под строгим контролем — на юности самой Элиноры лежала неизгладимая печать ужаса, вызванного беспутством человека, с коим она некоторое время была обручена.

Юный Хэлпин, тот самый жених, был одним из наиболее примечательных уроженцев Эпплтона. С молодых ногтей отличившийся незаурядным умом, он прогремел в университете Висконсина, а к двадцати трем годам вернулся в родной город, чтобы занять профессорскую должность в Лоуренс-колледже, а затем и надеть кольцо с бриллиантом на пальчик самой очаровательной и красивой девушки Эпплтона. До поры до времени их отношения протекали безмятежно, и ничто не предвещало бури. Дурные привычки, рожденные первой выпивкой, укрылись в недрах души Хэлпина, усыпленные изолированной жизнью в окруженном лесами городке, но спустя некоторое время они все же раскрылись в молодом профессоре. Только путем поспешного отказа от кафедры Хэлпин избежал мучительного расследования того, как тлетворно влиял он на образ жизни и нравственный облик учеников. Его помолвка распалась, и он отбыл на восток, стремясь открыть новую страницу в книге жизни; но вскоре до жителей Эпплтона дошел слух о его скором увольнении из Нью-Йоркского университета, где трудился он преподавателем английского. Не упав, казалось бы, духом, все свое время Хэлпин стал посвящать библиотекам и публичным лекциям, читая яркие речи в защиту Франсуа Вийона, Эдгара По, Верлена и Оскара Уайльда. Во многом убедительности и пылкости Хэлпина как оратора способствовал его неоспоримый личный шарм, и в недолговременный расцвет славы ему даже пророчили новую помолвку с одной из особо приверженных поклонниц таланта из солидного семейства с Парк-авеню. Но и эти надежды никак не оправдались. Окончательное бесчестье, в сравнении с которым предыдущие были ничем, разбило вдребезги иллюзии тех, кто поверил в возрождение Хэлпина. Молодой ученый навсегда лишился доброго имени,

да и вовсе перестал появляться на людях. Периодически возникавшие слухи ассоциировали его с загадочным «консулом Гастингсом», чьи сочинения для театра и кино неизменно привлекали внимание основательностью и глубиной авторских познаний; однако через некоторое время и этот Гастингс пропал из поля зрения публики, и Хэлпин стал символом позора в байках, что читают менторы в назидание беспечным ученикам. Элеонора Винг же вышла замуж за Карла Тревера, перспективного молодого адвоката, и об ее прежнем поклоннике остались только воспоминания, положенные в основу воспитания ее единственного сына, этого обаятельного, но безмерно упрямого юноши. Сейчас, вопреки всем нравственным руководствам, Альфред Тревер явился к Шихану, твердо намеренный предаться хмельному разгулу.

— Эге-гей, патрон! — прокричал Шульц, окунувшись вместе с Тревером в чад кутежа, что царил в бильярдной. — Будь знаком с моим другом Альфи Тревером, лучшим из всех гуляк в Лоуренс-колледже, что в Эпплтоне, штат Висконсин! Он сам из недурного общества — отец его большая шишка в адвокатском деле, а матушка — самая настоящая поэтесса! Но это ему, сам знаешь, не помешает вкусить взрослой жизни и хлебнуть самого настоящего огненного виски; так что помни — он мой друг, и обращайся с ним подобающе!

Как только были сказаны эти слова — Тревер, Лоуренс, Эпплтон, — собравшиеся в зале тунеядцы ощутили необычную перемену в атмосфере. Возможно, всему виной был какой-то необычно звонкий перестук шаров на бильярдном столе, или звон стаканов, извлеченных из тайника за стойкой, — возможно, лишь это, да еще тот альковный шелест грязных занавесок на единственном грязном окне. Так или

иначе, в ту минуту многим показалось, что кто-то среди них скрежещет зубами и тяжело вздыхает.

— Рад познакомиться, Шихан, — произнес Тревер спокойным, учтивым тоном. — В этакое местечке я впервые, но жизнь хороша во всех проявлениях, и даже таким опытом пренебречь — непростительно, знаешь ли.

— Еще как знаю, дружище, — ответил хозяин. — Ежели хочешь вкусить жизни, местечко ты выбрал самое подходящее, ибо здесь есть все — и драма, и накал страстей, и славный пир человеческий. Узколобые крючкотворы, что стоят сейчас у руля власти, хотят подогнать всех под одни рамки, но им не удастся остановить парней, которые просто хотят взбодриться и развлечься. Все, что пожелаешь, дружище, любой дурман найду — только скажи.

По словам завсегдатаев бильярдной, именно в этот момент в размеренных, монотонных движениях швабры возникла пауза.

— Хочу виски! Старого-доброго ржаного виски! — с энтузиазмом высказался Тревер. — Я как прочел о веселых попойках студентов былого времени — сразу тошно стало глядеть на все прочие источники утоления жажды. Как читаю Анакреона и его подпевал¹, так одна мысль в голове — долой водицу пресную, даешь воду огненную!

¹ Анакреон — древнегреческий поэт-лирик, которому часто приписывают образ «певца разгульной жизни». На самом деле, эта традиция ошибочна; такую репутацию поэту создали множество подражаний позднейших эпох, в частности ряд эпиграмм (в которых, напр., ему приписывается «тройное поклонение» музе, вину и любви) и сборник под названием «Анакреонтеа». Подражание Анакреону породило так называемую анакреонтическую поэзию поздней Античности, эпох Возрождения и Просвещения.

— Ну и славно! А Анакреон — это кто такой, черт бы его побрал? — смущенно зароптали пьяницы, но один банкир-растратчик поспешил просветить их, что Анакреон — гуляка среди гуляк, живший в стародавние времена и писавший о своих похождениях еще тогда, когда мир был подобен бильярдной Шихана.

— Послушай-ка, Тревер, — обратился к молодому гостю этот горе-банкир, — я ведь верно услышал Шульца, твоя матушка — поэтесса?

— Так и есть, — ответил Тревер, — но как же ей далеко до Анакреона! Она ведь из числа тех нагоняющих скуку моралистов, сущих во все времена и стремящихся своей поучительной дребеденью лишить жизнь всех ярких красок! А что, слышали о ней? Она подписывает стихи девичьим именем — Элеонора Винг.

В тот миг Старый Сумасброд выпустил метлу из рук.

— А вот и твоя выпивка, — жизнерадостно объявил Шихан, внося в зал поднос с бутылкой и стаканами. — Отменный виски, крепче во всем Чикаго не сыскать!

Глаза юноши блестели, а ноздри раздувались от паров коричневатой жидкости, которую ему наливали. Это ужасно отталкивало и возмущало всю его унаследованную деликатность; но решимость вкушать жизнь в полной мере оставалась с ним, и он держался смело. Правда, прежде чем его решимость подверглась испытанию, вмешалось нечто неожиданное. Старый Сумасброд, вскочив с того места, где сидел до сих пор, прыгнул на юношу и вырвал у него из рук поднятый стакан, почти одновременно шваброй зацепив поднос с бутылками и стаканами и разбросав содержимое по полу. Кое-кто из пьянчуг, давно лишившихся всех человеческих притязаний, повалился на пол и, стараясь не зачерпнуть битого стекла, стал лакать виски из расплывшейся пахучей

лужи. Но в массе своей народ остался недвижим, предпочтя следить за беспрецедентным действием издалека. Старый Сумасброд выпрямился перед изумленным Тревером и мягким, хорошо поставленным голосом сказал:

— Когда-то я был таким же, как ты, и сделал это. Теперь я — вот такой.

— Что ты такое несешь, развалина дурная? — закричал Тревер. — Какое право имеешь ты препятствовать отдыхающему джентльмену?

Шихан, оправившись от изумления, подошел и положил тяжелую руку на плечо старцу.

— Слишком долго я тебя терпел! — яростно воскликнул он. — Когда джентльмен захочет выпить здесь, клянусь богом, он это сделает без твоего вмешательства. А теперь убирайся-ка отсюда к чертовой матери, пока я тебя не вышвырнул!

Но Шихану следовало бы лучше разбираться в психопатологии и считаться с тем, как на пожилом человеке сказывается нервное перевозбуждение. Ибо старик, покрепче ухватив за черенок швабру, начал размахивать ею, как гладиатор-македонец — копьем, и ею расчистил порядочное пространство вокруг себя, покрикивая попутно:

— Разнузданны и пьяны, Велиала на улицы выходят сыновья!¹

В бильярдной воцарился поистине адский переполох. Пьянчужки скулили в ужасе пред гневным демоном, коего ненароком пробудили. Юный Тревер был ошеломлен и смятен без меры случившимся. Он медленно отползал к стене по мере того, как усиливалась заварушка.

¹ Джон Мильтон, «Потерянный рай», книга I, перевод Александра Андреева.

— Не должно пьянствовать ему, не должно! — ревел Сумасброд, исчерпавший, похоже, — или утративший вовсе — запас цветистых выражений. У входа в заведение уже собирались полицейские, привлеченные шумом, но и они не торопились вмешаться. Тревер, совершенно перепуганный и уже не рвавшийся познать жизнь через возлияния, отступал в сторону синих мундиров. Если удастся слинять отсюда и успеть на поезд до Эплтона, размышлял юноша, можно считать свое образование в области распутства успешно оконченным.

Вдруг Старый Сумасброд перестал размахивать шваброй и застыл в неподвижности — выпрямившись столь статно, каким его прежде никогда здесь не видели.

— Ave, Caesar, morituri te salutant!¹ — выкрикнул он — и рухнул на залитый виски пол, уже не поднимаясь более.

Последующие впечатления никогда не покинут сознание Тревера. Их образ померкнет, расплывется, но не сотрется полностью. Полисмены шерстили толпу, расспрашивая всех, кто находился как в центре происшествия, так и рядом с мертвым телом. Шихан был подвергнут особо дотошному допросу, но и от него не удалось добиться каких-либо значимых сведений о Старом Сумасброде. Разве что давешний горе-банкир вспомнил о фотокарточке, которую с собой всегда носил покойный, и предложил приобщить ее к делу — вдруг да прольет немного света и поможет в опознании. Молодой офицер склонился с брезгливой миной над телом, чьи глаза уже остекленели, и нашел завернутую в тисненую бумагу карточку, которую передал по кругу, чтобы все рассмотрели изображение.

¹ «Слався, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!» (лат.).

— Экая цыпочка! — присвистнул один пьяница, разглядывая прекрасное лицо на снимке, но те, у кого ум не был окончательно затуманен спиртными парами, смотрели с почтением и смущением. Никто не знал эту женщину, никто не понимал, откуда у юродивого отщепенца фотопортрет такой дивной красоты, и только горе-банкир, с тревогой глядящий на снующих по бильярдной блюстителей порядка, что-то да понимал. Пожалуй, только он видел немного глубже — и мог понять, что скрыто под маской крайней деградации чокнутого старикашки.

Наконец фотография перекочевала к Треверу, и юноша переменился в лице. Вздрогнув, он быстро завернул изображение в бумагу, словно хотел защитить его от грязи, царившей в бильярдной. Затем он долгим, изучающим взглядом посмотрел на тело, лежавшее на полу, отметив про себя высокий рост и аристократичность черт, которая проступила лишь сейчас, когда тусклое пламя жизни угасло.

— Нет, — поспешно бросил он в ответ на обращенный к нему вопрос, — кто эта леди на снимке, мне неизвестно. Да и потом, — добавил он, — оно такое старое, это фото, что сейчас-то вряд ли кто ее узнает...

Но Альфред Тревер солгал — и об этом догадались многие, ведь о теле умершего старца он проявил неожиданную заботу, даже вызвался организовать в Эпплтоне погребение. Само собой, Альфред узнал женщину на снимке — над каминной полкой в его домашней библиотеке висела точная копия этого фотопортрета, и всю свою жизнь он знал и любил его оригинал.

Ибо эти утонченные и благородные черты принадлежали его матери.

ЗАПАДНЯ

В один из декабрьских четвергов все началось с того необъяснимого движения, которое, как мне показалось, я уловил в старинном копенгагенском зеркале. Нечто шевельнулось или отразилось в стекле, хотя я был один в своей комнате. Я замешкался, пристально взгляделся, потом, решив, что это, должно быть, чистая иллюзия, снова принялся расчесывать волосы.

Я нашел это старое зеркало, покрытое пылью и паутиной, во флигеле заброшенного поместья на малонаселенной северной территории Санта-Круса¹ и привез его в Соединенные

¹ Санта-Крус (исп. *Isla Santa Cruz*) — остров в Тихом океане у юго-западного побережья США, находится в группе островов Ченнел и входит в округ Санта-Барбара американского штата Калифорния. Площадь острова составляет около 250 км².

Штаты с Виргинских островов. Почтенное стекло потускнело от более чем двухсотлетнего пребывания в тропическом климате, а изящный орнамент на позолоченной раме рассыпался. Впрочем, мне удалось собрать все его части и привести практически в былой вид — и зеркало, несшее на себе благородно-антикварный отпечаток, пополнило мой интерьер.

Теперь, несколько лет спустя, я жил наполовину как постоялец, наполовину как учитель в частной школе моего старого друга Брауна на ветреном склоне Коннектикутского холма — занимал неиспользуемое крыло в одном из общежитий, где у меня было две комнаты и целый коридор под собственные нужды. Старое зеркало, надежно спрятанное в матрасе, было мною распаковано по прибытии в первую очередь — его я разместил в гостиной на старом столе из розового дерева, принадлежавшем моей прабабушке.

Дверь моей спальни находилась как раз напротив двери гостиной, а между ними был коридор; и я заметил, что, глядя в свое шифоньерное зеркало, могу видеть большое зеркало через два дверных проема, как бы глядя в бесконечный уменьшающийся коридор. В этот четверг утром мне показалось, что я заметил странное движение в этом обычно пустовавшем проходе, — но, как уже было сказано, вскоре я отбросил эту мысль как абсурдную.

Спустившись в столовую, я застал учеников жалующимися на холод — оказалось, что из строя вышла школьная котельная. Будучи особо чувствительным к низким температурам, я и сам решил не занимать ни одну из наверняка промерзших классных комнат, так что весь мой класс разместился в гостиной у камина — едва такое предложение прозвучало, ученики, галдя радостно, устремились в мое крыло.

Когда занятие подошло к концу, юноши и девушки разбежались кто куда — задержался один только Роберт Грандисон. Он попросил остаться, так как у него не был назначен второй утренний урок, и я разрешил. Усевшись в удобное кресло перед камином, Роберт принялся с любопытством глазеть по сторонам.

Однако прошло совсем немного времени, прежде чем он пересел в другое кресло — в то, что стояло несколько дальше от только что разожженного камина; и эта перемена привела его прямо к старинному зеркалу. Сидя в своем кресле в другой части комнаты, я заметил, как пристально он стал смотреть на мутное стекло. Дивясь тому, что так сильно заинтересовало Роберта, я вспомнил о собственном утреннем опыте. Время шло, а он продолжал смотреть, слегка нахмутив брови.

Наконец я тихо окликнул его, спросив, что привлекло его внимание. Медленно, все еще озадаченно хмурясь, он оглянулся и ответил довольно осторожно:

— Это все волнистость стекла... кажется, так это называется, мистер Каневин¹. Там как будто бы пучок линий двигается — и все сходятся в одной точке. Я могу показать!

Мальчик вскочил, подошел к зеркалу и приложил палец к точке в левом нижнем углу.

— Здесь, сэр, — сказал он, повернувшись ко мне, не отрывая пальца от выбранного места.

Должно быть, в тот момент, когда он повернулся ко мне, его палец слишком сильно вжался в стекло, потому что он

¹ Рассказ был написан Лавкрафтом в соавторстве с Генри С. Уайтхедом (1882–1932) — священником, психологом, автором мистических рассказов. Джеральд Каневин, главный герой «Западни», присутствует также в цикле сольных рассказов Уайтхеда, выступая в роли «сквозного» главного героя в пятнадцати разных историях.

вдруг резко отдернул руку от зеркала, как будто с некоторым усилием, и уставился на стекольную гладь с явным недоумением.

— Что такое? — удивленно спросил я, поднимаясь и подходя ближе.

— Я... мне... — Он выглядел смущенным. — Такое дело, сэр... В общем, мне показалось, что кто-то... или что-то... пыталось втянуть меня за палец туда, внутрь. Конечно, это звучит как небывальщина... но клянусь, именно это я и почувствовал! — для своих пятнадцати лет он порой делал совершенно неожиданные выводы.

Я подошел и попросил его показать мне точное место, которое он имел в виду.

— Вы, конечно, сочтете меня дураком, сэр, — смущенно сказал он, — но... ну, отсюда я не смогу точно показать. А вот с того места, где сидел — вполне.

Заинтригованный, я сел в кресло, которое занимал Роберт, и посмотрел на отмеченное им место на зеркале. И правда, с этой конкретной позиции многочисленные завитки древнего стекла, казалось, сходились — как растянутые струны, перехваченные невидимой рукой.

Встав и подступив вплотную к зеркалу, я понял, что не могу больше наблюдать этот причудливый эффект. По-видимому, он был доступен только с определенных углов. Та часть зеркала, где он сильнее всего проявлялся, при прямом взгляде не давала четкого отражения — я едва мог видеть собственное лицо. И как только я не замечал ранее? Загадка.

Вскоре прозвучал школьный гонг, и Роберт убежал, оставив меня наедине с оптической аберрацией. Подняв шторы на окнах, я пересек коридор и стал искать то место в отражении в зеркале шифоньера. Довольно быстро отыскав его,

я пристально всмотрелся — и опять, как мне показалось, уловил некоторое мельтешение; а когда, вытянув шею, добился нужного угла зрения, нечто будто бы *прянуло* на меня из глубины зеркала.

Иллюзия «движения» стала явной, оформившейся, напоминающей мимолетный, но при том интенсивный закрученный вихрь — по подобной траектории кружатся опавшие листья на крыльце поздней осенью. По кругу — и в то же время вовнутрь, в нескончаемом потоке, что устремлен к некой конкретной точке по ту сторону стекла. Я был зачарован этим оптическим феноменом. Даже понимая, что передо мной, верней всего, простая иллюзия, я все никак не мог забыть, что сказал Роберт: «Что-то пыталось втянуть меня за палец туда, внутрь», — и сам будто бы втягивался в наблюдаемый в зеркале водоворот.

Легкий холодок внезапно пробежал вверх и вниз по моей спине. Здесь явно было что-то, на что стоило обратить внимание. И когда мысль о расследовании пришла мне в голову, я вспомнил задумчивое выражение лица Роберта Грандисона перед самым гонгом. Я вспомнил, как он оглянулся через плечо, покорно выходя в коридор, и решил, что этот малый может мне изрядно помочь в распутывании «зеркальной» загадки — он наблюдателен и любопытен, что полезно в любом сыском деле.

Однако волнующие события, связанные с Робертом, вскоре изгнали из моего сознания на время все мысли о зеркале. Я отсутствовал весь день и вернулся в школу только в пять пятнадцать — на общее собрание, непреложное для всех учащихся. Зайдя на это мероприятие с мыслью поговорить о зеркале с Робертом, я был поражен и огорчен, обнаружив, что один из самых пунктуальных учащихся школы по непонятной причине отсутствует. В тот же вечер Браун огоршил

Иллюстрации Ивана Иванова

Содержание

Старый сумасброд	3
Западня	15
Йигов сглаз	45
Кудри Горгоны	68
Кладбищенская история	123
Летучая смерть	144
Кошмар на пляже Мартина	182
Четвертый час утра	192
Поэзия и боги	198
Крадущийся хаос	209
Память	220
Грибы Юггота	222
Немезида	241
Ундина, морская невеста	246

Литературно-художественное издание

16+

Говард Филлипс Лавкрафт

КРАДУЩИЙСЯ ХАОС

Ответственный редактор *А. Васько*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 70х100/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ №

Издатель и изготовитель: ООО «Феникс».
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в России. Дата изготовления: 09.2021. Срок годности не ограничен.

Отпечатано в ЗАО «Белгородское торгово-промышленное предприятие»

Юр. адрес: 308007, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Некрасова, д. 11.
Факт. адрес: 308015, Россия, Белгородская область, г. Белгород, ул. Победы, д. 147 «А»